

В. Г. Медведев

Правоохранительная система и уголовно-репрессивная деятельность белой России в годы Гражданской войны

Введение. В годы двух российских революций и вспыхнувшего после них гражданского междоусобия в правовой системе страны и правосознании ее жителей произошли значительные изменения. Падение самодержавия в ходе Февральской революции положило начало крутой ломке дореволюционного законодательства и правоохранительной системы. Советское правительство, пришедшее на смену Временному, полностью отвергло существовавшие до него правовые устои и приступило к созданию новых правовых основ регулирования общественных отношений.

В ходе вспыхнувшей после Октября 1917 г. Гражданской войны на окраинах бывшей Российской империи стали возникать антисоветские государственные образования. По словам В. Ж. Цветкова, в стране образовались «две России, советская и белая» со своими государственными структурами и законодательством; примирение между ними было невозможно¹, на территории белой России декреты советской власти отменялись. Белые правительства, восстановив дореволюционное законодательство, а также действие нормативно-правовых актов Временного правительства, приступили к разработке и изданию собственных правовых установлений. В результате, как вспоминал в своих мемуарах донской атаман

*Медведев
Валентин
Георгиевич*
д-р юрид. наук,
канд. ист. наук, доц.,
Тольяттинский
государственный
университет
(Тольятти, Россия)

П. Краснов, в головах «несчастных» обывателей все смешалось, и большинство из них переставало вникать в содержание как «законов Керенского», так и «декретов Ленина», не говоря об «указах» часто сменявших друг друга антисоветских правительств².

Частая смена власти, ее слабость и нелегитимность способствовали нарушению привычного правопорядка. Бытовые преступления и повсеместное применение насилия со стороны воинских властей на местах, ничем не отличавшиеся от террора, стали характерными приметам времени. Для борьбы с данными проявлениями белые правительства предпринимали активные меры, и на всех территориях, оказавшихся под их юрисдикцией, воссоздавались судебно-следственные органы, прокуратура, полицейские или милицеские структуры, строившие свою работу в соответствии с дореволюционным и послефевральским законодательством 1917 г., а также правовыми установлениями антисоветских властей, в чем, по мнению некоторых зарубежных исследователей, было заинтересовано и командование иностранных интервенционистских сил, оккупировавших различные территории страны³. В особую группу антисоветских государственных образований входили закавказские республики. Как считает американский историк Р. Суни, проводившаяся их властями националистическая и шовинистическая политика равно удаляла Закавказье и от белой, и от большевистской России; в результате закавказские государственные образования оказывались под неограниченным контролем Великобритании и Турции, становясь, по существу, их протекторатами⁴.

Судебно-следственные органы. В деле становления правопорядка и законности в государственных образованиях, возникавших в рамках белого движения на окраинных территориях бывшей Российской империи, важная роль отводилась судебной системе. В Сибири и на Дальнем Востоке она начала формироваться сразу же после образования Совета министров Временного Сибирского правительства (далее — ВСП), которое 6 июля 1918 г. приняло соответствующее Постановление «Об организации судебно-следственных органов». На территории Вооруженных сил Юга России (далее — ВСЮР) юридическим основанием воссоздания гражданской и военной юстиции стало «Временное положение о гражданском управлении (Раздел I) в местностях, находящихся под верховным управлением главнокомандующего ВСЮР», принятое Особым совещанием при Главкоме ВСЮР 6 (19) марта 1919 г.⁵

Данные нормативные акты предписывали воссоздавать и организовывать работу «судебных учреждений и установлений» в соответствии с судебными уставами 1864 г. и прочими актами, вплоть до введенных Временным правительством после Февраля 1917 г. Таким образом, в государственных образованиях белой России восстанавливалась общая и мировая юстиция. Как и в дореволюционное время, общая юстиция была представлена окружными судами и судебными палатами. Юрисдикция окружных судов простиралась, как правило, на территории нескольких уездов, а судебных палат — на определенное количество областей и губерний. Так, юрисдикционной деятельностью Омской судебной палаты были охвачены Тобольская и Томская губернии, Акмолинская и Семипалатинская области⁶. Аналогичные системы создавались на юге,

северо-западе и севере России, где сформировались правительства генералов Деникина, Юденича и Миллера.

Как и в дореволюционное время, судебные палаты включали в себя уголовный и гражданский департаменты со своими председателями; один из председателей был старшим и возглавлял всю палату. При окружных судах и судебных палатах восстанавливались должности прокуроров и товарищей прокуроров. В Сибири их назначение осуществлялось специальным актом Верховного правителя России адмирала А. Колчака, на Юге, Северо-Западе и в Северной области (такое название носило сформировавшееся в районе Архангельска и Мурманска антисоветское государственное образование) — соответствующими актами главкомов, действовавших в данных регионах вооруженных сил, которые, по существу, были главами правительств и военными диктаторами, осуществлявшими всю полноту государственной власти. Представление кандидатур прокуроров и их помощников входило в компетенцию министра, а там, где его не было, — начальника управления юстиции. В функции прокурора судебной палаты, помимо прочего, входило осуществление судебного надзора над деятельностью окружных судов. Работу адвокатов был призван контролировать созданный при судебной палате Совет присяжных поверенных⁷.

К середине 1919 г. во всех антисоветских государственных образованиях все судебные органы были в целом восстановлены, в Сибири даже был реанимирован Правительствующий Сенат. Во многих регионах — Амурской, Забайкальской, Приморской, Якутской областях, на Сахалине, а также в Енисейской и Иркутской губерниях — с 1919 г. начал действовать суд присяжных заседателей.

Однако восстановление судебного и следственного аппаратов, а также адвокатуры, как свидетельствуют современники тех далеких событий, происходило в очень сложной обстановке, болезненной для многих судей и следователей, особенно низшего звена. Это было связано, во-первых, с отсутствием необходимых кадров для комплектования судебно-следственных органов и, во-вторых, с нежеланием многих руководителей, несмотря на явный кадровый голод, принимать на службу лиц, в той или иной степени запятнавших себя участием в работе советских органов власти. К данной категории, как вспоминал современник событий юрист А. А. Гольденвейзер, можно было отнести почти всю «молодую часть» судейского и адвокатского сословий. Они не имели никаких материальных средств и запасов для жизни, как их старшие коллеги, поэтому вынуждены были работать в различных советских учреждениях. Гольденвейзер считал, что такая травля судей, следователей, прокурорских работников и адвокатов повлекла за собой недостаток нужных специалистов; особенно остро это ощущалось в следственном аппарате, о чем свидетельствуют архивные данные. Так, председатель Оренбургского судебного округа направил докладную записку в адрес министра юстиции Омского правительства, из которой следовало, что вместо необходимых по штату округа «тринадцати Судебных Следователей» в наличии имелось лишь четыре⁸.

Решить кадровую проблему предполагалось путем привлечения к следственной работе мировых судей. Сначала они не освобождались от своих прямых обязанностей, что негативно влияло на их работу в качестве следователей. В результате вскоре множество судей были освобождены от отправления правосудия и стали заниматься только следствием. В начале лета 1921 г. мировые судьи, исполнявшие следственные функции, получили официальный статус следователей, что узаконило временную практику привлечения мировых судей к следственной работе.

Восстановление мировой юстиции также протекало довольно сложно, поскольку в условиях Гражданской войны сам порядок создания мировых судов и съездов мировых судей претерпел значительные изменения. Вместо выборов участковых мировых судей широко распространилась практика их назначения. Кандидатуры мировых судей обсуждались на общих собраниях окружных судов и представлялись на утверждение в городские думы и земские собрания. В местностях, где окружные суды не были созданы, назначение судей осуществляли сами думы и земства.

Особыми трудностями сопровождалось создание судебного аппарата в Северной области, что вызывало чрезвычайную озабоченность оккупационных властей ввиду непрекращавшихся восстаний и мятежей в русских воинских частях и среди гражданского населения — происходили постоянные нападения на солдат и офицеров английского экспедиционного корпуса. Формирование судебной системы здесь шло под непосредственным давлением английского генерала Пуля — главы британской военной миссии в данном регионе. Генерал угрожал правительству Северной области тем, что в случае затягивания вопроса о создании судебных органов он вынужден будет отдать приказание о проведении разбирательств в отношении нарушителей закона в английском военном трибунале⁹.

В Северной области организацией гражданской юстиции занимался Отдел юстиции, выполнявший роль министерства. При нем была образована Юридическая консультация, ставшая, как считал главный военный прокурор области С. Добровольский, «маленьким сенатом». Юридическая консультация окончательно редактировала и согласовывала все законопроекты, а затем представляла их на утверждение Временному правительству области. После того как представленный в правительство законопроект «воспринимал силу закона», Консультация контролировала его публикацию в «Собрании узаконений и распоряжений Временного правительства Северной области» и в «Правительственном вестнике». Председателем Юридической консультации являлся управляющий Отделом юстиции. Ее членами были прокурор Архангельского окружного суда, председатель «кассационного присутствия» Северного фронта, судьи гражданского и уголовного отделений окружного суда, а также ряд представителей адвокатуры¹⁰. Значительным изъяном при организации судопроизводства на всех территориях антисоветских государственных образований современники считали отсутствие кассационной и апелляционной инстанций, потому что в случае опротестования или обжалования приговоров судов дела принимали незаконченный характер. По существу, это давало возможность

избавлять виновных от приведения приговора в исполнение, что крайне негативно воспринималось общественным мнением и формировало в широких слоях населения отрицательное отношение к правосудию. По мнению С. Добровольского, в народе было распространено представление, согласно которому, «мирволя буржуйам», суд защищает только «богатых» и «сильных»¹¹.

Таким образом, к концу 1918 — началу 1919 г. практически во всех государственных образованиях белой России общая и мировая юстиция были в основном восстановлены. Однако ввиду значительной криминализации обстановки суды не в состоянии были справляться со своими обязанностями в полном объеме из-за огромного роста правонарушений. Кроме того, множество судей, особенно мировых, а также большая часть судебных следователей — кто из-за недостатка профессиональных навыков, а кто и вследствие недостаточного финансового и материального обеспечения — выказывала пассивность и инертность в работе. Многие не гнушались злоупотреблять своим служебным положением. О пассивности и инертности судей наглядно свидетельствует пример работы мирового судьи одного из участков Омского уезда. Так, некто Добровольский после восстановления деятельности мирового суда принял в июне 1918 г. 197 дел. Халатно относясь к своим обязанностям, к январю 1919 г. он довел их число до 349. За истекший период им было рассмотрено только 67 дел¹².

Военная юстиция. Особое место в судебной системе белой России принадлежало военной юстиции, которая в новых условиях претерпела определенные изменения. Интерес вызывают организация и деятельность полковых судов в связи с катастрофическим состоянием дисциплины в войсках белых армий. Так, в Приказе командующего Западным фронтом колчаковской армии от 26 ноября 1918 г. № 24 говорилось, что многие офицеры и солдаты замечены в «неумеренном» потреблении спиртных напитков, «бесчиниях» и «буйствах», в ходе которых они применяют оружие¹³.

На юге страны, в Добровольческой армии полковые суды были введены Приказом Командующего от 1 августа 1918 г. № 390, в котором говорилось, что они должны создаваться и действовать во всех строевых частях полкового звена на основании § 44 Военно-судебного устава царской армии¹⁴. Полковые суды были сохранены и в армии генерала П. Врангеля.

На востоке страны функции восстановления военно-судебных учреждений были возложены на организованные при армейских штабах «военно-судные» отделы. В своей работе они руководствовались книгами XXII и XXIV Свода военных постановлений и другими документами, которые были приняты Военным ведомством после 1 марта 1917 г., с учетом определенных поправок. Пример одной из поправок — решение эсеровского Комуча о проведении выборов полковых судей, резко негативно встреченное командирами полков, о чем свидетельствует рапорт заведующего военно-судной частью войск Уфимской губернии начальнику военно-судного отдела Главного военного штаба Народной армии от 3 августа 1918 г.¹⁵

Вследствие значительного изменения штатной структуры полков в сторону уменьшения численности личного состава (они насчитывали всего от

200 до 500 чел.) полковые суды в Сибирской армии временно отменялись¹⁶. Ввиду этого было отменено и предварительное следствие. Проводилось только дознание, после чего все дела полковой подсудности передавались в военную прокуратуру для составления обвинительного заключения и последующего рассмотрения в военно-окружном суде. Юрисдикция последних обычно распространялась на территорию корпусных районов.

Плачевное состояние воинской дисциплины (порой возникали почти криминальные ситуации) вскоре заставило командование белых армий на востоке страны приступить к созданию полковых судов. Об этом говорит Приказ командующего войсками Западного фронта от 23 ноября 1918 г. № 17. Председатели и члены полковых судов, являясь штатными офицерами полков, не освобождались от исполнения своих прямых обязанностей по службе. Делопроизводство в судах, как правило, поручалось одному из штабных обер-офицеров¹⁷.

В прифронтовой полосе в соответствии с дореволюционным Положением о полевом управлении войск в военное время создавались управления военно-судных частей фронта и прифронтовые корпусные суды. Вначале это были суды Самарской, Камской и Екатеринбургской войсковых групп, а также суд Западного фронта, организованный по типу военно-окружного суда.

Впоследствии военные суды получали названия, соответствовавшие изменявшейся штатной структуре войск на театре военных действий (Общий корпусной суд Западной армии, Военно-окружной суд фронта и т. д.). Приговоры военно-окружных судов формально в соответствии со ст. 1002 Военно-судебного устава подлежали обжалованию в кассационном порядке в Главном военном суде или в кассационных присутствиях фронтов. Но в реальности они, очевидно, были окончательными, поскольку в архивах и мемуарах участников белого движения отсутствуют сведения о существовании указанных инстанций в иных областях, кроме Северной.

Как и гражданские суды, суды военные руководствовались дореволюционными законами, нормативно-правовыми актами Временного правительства, уставами (дисциплинарным, военно-судным, военным и т. д.), а также приказами, издававшимися военным ведомством. В уставы вносились изменения, соответствовавшие духу времени и отменявшие положения дискриминационного характера, унижавшие солдат как «нижних чинов». Одновременно ужесточались требования к соблюдению субординации и воинской дисциплины¹⁸.

Однако в боевой обстановке военные суды не справлялись с возложенными на них функциями, их роль в укреплении дисциплины в войсках была незначительной, более эффективным оказалось применение военно-судных комиссий и военно-полевых судов.

Особое место в военной юстиции занимали военно-полевые суды, поскольку их юрисдикции подлежали не только военнотружущие, но и гражданские лица, совершившие те или иные преступления. В соответствии с разд. I «Временного положения о гражданском управлении...» генерала А. Деникина, в таких судах рассматривались дела, касавшиеся: «...бунта против государственной власти, государственной измены или призыва к ней, умышленной порчи либо истребления вооружения, снаряжения и запасов продовольствия,

топлива, фуража, повреждения или уничтожения... водопроводов, мостов, плотин, гатей... колодцев, дорог... и других объектов, необходимых для передвижения и снабжения водой, а также телеграфа, телефона, железнодорожного пути, подвижного состава... нападения на часового, караул, сопротивления страже или караулу, убийства чинов стражи или караула, часового, а также покушения на убийство должностных лиц при исполнении ими своих обязанностей (или по их поводу), подстрекательства к стачкам... к неисполнению распоряжений властей»¹⁹.

Помимо этого, круг дел, подлежавших рассмотрению в военно-полевых судах, мог определяться специальным распоряжением «главноначальствующего» (управляющего) краем или областью. Так, согласно приказу главноначальствующего Харьковской областью генерала В.З. Май-Маевского от 2 (21) июня 1919 г. № 1 к преступлениям, перечисленным во «Временном положении о гражданском управлении...», были добавлены преступления, касавшиеся нарушения порядка управления, лихоимства и мздоимства, убийств, разбоев, грабежей, нанесения ран и «вооруженной кражи», посягательств на «честь и целомудрие» женщин, спекуляции, преступлений по должности²⁰.

В Северной области организация военной юстиции имела свои особенности. Здесь военно-судебным ведомством был создан не только военно-окружной суд, но и кассационная инстанция в виде кассационного присутствия Северного фронта, которое одновременно выступало и в роли главного военного суда. Это давало возможность доводить все дела до логического завершения²¹. Что касается «исключительных правонарушений», затрагивавших вопросы безопасности государства, то они подлежали разбирательству в особом порядке и передавались на рассмотрение в военно-полевые суды. Приговоры, вынесенные полковыми и военно-полевыми судами, могли быть обжалованы в военно-окружном суде и кассационном присутствии фронта. Функции надзора над деятельностью военных и военно-полевых судов возлагались на военную прокуратуру и специальных военных чиновников, заведовавших военно-судебными отделами («частями»), созданными при штабах командующих войсками в тех или иных районах²².

На северо-западе страны, на территории, занятой войсками генерала Юденича, политическая система, аналогичная другим государственным образованиям белой России, как таковая отсутствовала. Здесь не было политических партий или их отделений, отсутствовали профсоюзы и другие общественные организации и институты, что соответствовало аморфности населения данного региона, которое сложилось в результате значительной миграции беженцев из центральной России. Поэтому социальные и политические интересы тех или иных общественных групп были слабо выражены, а созданное стараниями английской военной миссии Северо-западное правительство оказалось неспособным организовать местное общество и направить его волю в единое русло²³. Вся властно-управленческая деятельность была полностью сосредоточена в руках военной администрации, которая работала на основе Положения об уездных и волостных комендантах в областях, освобожденных отдельным Северным корпусом (далее — Положение), вве-

денного приказом Командира Северного корпуса²⁴. В соответствии с данным Положением уездным комендантам предоставлялось право контролировать деятельность всех государственных и муниципальных органов управления, в их подчинение была передана городская и уездная полиция.

Мировая юстиция военной администрацией не признавалась. В Положении говорилось, что продуктивность и целесообразность деятельности всех вместе взятых мировых судей можно приравнять к работе одного пристава.

Пункт 6 Положения гласил, что уездным комендантам предоставлялось право издания обязательных для всех постановлений, касавшихся государственной безопасности и «общего порядка». Нарушители таких нормативных актов могли быть подвергнуты различным наказаниям (наиболее распространенные — штраф до 10 тыс. руб. и трехмесячное тюремное заключение). Коменданты имели право проводить обыски и аресты, «предварительное задержание на срок до двух недель», требовать от прокуратуры просматривать дела на стадии дознания и следствия, в отдельных случаях, когда судебное разбирательство могло «возбудить умы» и стать причиной ненужного волнения в обществе, — требовать рассматривать дела в судах при закрытых дверях.

Согласно п. 7 Положения, военным уездным комендантам предоставлялось право высылать нарушителей закона в административном порядке, накладывать секвестры на недвижимость и арестовывать движимое имущество, а также взимать поступавшие с них доходы. Таким образом, в данном государственном образовании вся юстиция, а также полицейские структуры оказались в полном подчинении военных властей, главной задачей которых стала «борьба с большевизмом», вследствие чего они мало заботились об обеспечении правопорядка на подвластных им территориях.

Вместе с тем, за исключением северо-западных окраин страны, во всех антисоветских государственных образованиях и гражданская, и военная юстиция не только вели борьбу против «преступных проявлений большевизма» и всяческих нарушений законности, правопорядка и дисциплины в обществе и армии, но и занимались законотворческой деятельностью, разрабатывая проекты нормативно-правовых актов процессуального и материального права, применимые к новым условиям. Особенно активно эта работа велась в Северной области, где были полностью пересмотрены воинские уставы внутренней и дисциплинарной службы. Из них изымались устаревшие положения, связанные с отсутствием личных прав у солдат как бывших «низших чинов» царской армии, и вводились новые правила организации внутренней и внеказарменной жизни на основе демократических принципов, содержащихся в уставах западных стран²⁵.

Милитаризация правоохранительной деятельности. Анализ соотношения роли гражданской и военной юстиции на всех территориях антисоветских государственных образований показывает, что в условиях военного времени ведущее место занимала последняя. Она призвана была стать главной охранительной силой дисциплины в армейских частях, законности и правопорядка в обществе. Однако этого не произошло. Как пишет в своих воспоминаниях главный военный прокурор Северной области, правовые основы дея-

тельности военной юстиции в основном остались на бумаге. На деле «военное начальство», которому принадлежала вся власть в государственных образованиях белой России, осуществляло назначение должностных лиц военно-судебных ведомств и практически руководило отправлением правосудия, систематически «вызывая к себе представителей суда и делая им в резкой форме замечания за неправильные (якобы) приговоры»²⁶. Таким образом, военная юстиция олицетворяла милитаризацию судебной системы белой России и являлась достаточно мощным средством господства режимов военных диктатур, сложившихся на территориях антисоветских государственных образований.

О милитаризации правоохранительной деятельности говорят также воссоздание и деятельность военно-полевых судов, которые с сентября 1918 г. стали выносить приговоры о смертной казни — в соответствии с дополнением к ст. 100 и 101 Уголовного уложения она стала применяться и к обвиняемым в большевизме. На юге страны при обсуждении данного вопроса, согласно записи в журнале Особого совещания, начальник управления юстиции В. Н. Челищев предложил утвердить ст. 100 и 101 Уголовного уложения в редакции, принятой Временным правительством, и Особое совещание согласилось с данной позицией — смертная казнь за попытки изменить существующий строй не должна была применяться. Однако генерал Деникин в своей резолюции написал: «...а мы ее будем применять»²⁷. Возбуждение уголовных дел по обвинению в большевизме находилось в компетенции прокурора окружного суда или специально утвержденных для этого судебно-следственных комиссий²⁸.

В рамках осуществления белого террора были приняты и другие нормативно-правовые акты, направленные на борьбу против сторонников и сочувствующих советской власти²⁹. В связи с военными неудачами на фронте осенью 1919 г. правительство генерала Деникина приняло дополнение к «Положению об уголовной ответственности участников установления Советской власти...». Этим нормативным актом предусматривалась смертная казнь по отношению к лицам, виновным «в сознательном осуществлении в своей деятельности основных задач Советской власти, либо в содействии осуществлению этих задач, либо в участии в сообществе, именуемом партией коммунистов (большевиков)»³⁰. Часть членов правительства выступила против данной поправки. Так, князь Г. Н. Трубецкой вынужден был признать, что эта поправка выступает актом массового террора, а не правосудия, поскольку «в Совдепии 300 тысяч коммунистов». Это, по его мнению, могло нанести удар авторитету белого движения³¹.

В Сибири и на Дальнем Востоке огромную роль в развязывании широкомасштабной охранительно-террористической деятельности сыграл Приказ Верховного правителя от 23 марта 1919 г., связанный с подавлением антиколчаковского восстания в Енисейской губернии³². В этом Приказе Колчак требовал применять «беспощадную расправу» и «жестокие меры» не только к повстанцам, но и ко всем, кто их поддерживает и укрывает, для чего приказывал брать заложников и расстреливать их в случае нападения партизан. Он ставил в пример действия японцев в Амурской области — они практиковали в борьбе с партизанами массовые расстрелы мирных жителей и сожжение целых де-

ревень и сел³³. В соответствии с Приказом на местах стали издаваться аналогичные нормативные акты, среди которых особенной жестокостью выделяется Приказ генерал-губернатора Енисейской губернии генерала С. Н. Розанова. Он требовал от командиров воинских отрядов проводить децимацию в населенных пунктах, если жители не выдавали «главарей» и «вожаков», в селениях, оказывавших вооруженное сопротивление, взрослых мужчин «расстреливать поголовно», повсеместно брать заложников и также расстреливать их в случае необходимости³⁴. В результате, по словам министра иностранных дел колчаковского правительства, «расстрелы и казни были беспощадны», до основания сжигались целые деревни, а вдоль железной дороги на телеграфных столбах висели трупы казненных³⁵. Исчерпывающая картина белого террора по годам и месяцам Гражданской войны дается в книге И. С. Ратьковского «Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.)»³⁶.

Аналогичные приказы, проводившие такую же репрессивную политику, издавали генерал А. И. Дутов³⁷, командующий Западной армией генерал М. В. Ханжин³⁸, начальник Минусинского военного района полковник В. А. Романенко³⁹ и многие другие представители военного командования как в центре, так и на местах.

Белый террор. В 1990-х гг. в исторической и историко-правовой науке бытовало мнение, которое некоторые ученые поддерживают и в настоящее время: белый террор нельзя относить к государственной политике, поскольку у него не было законодательной основы, как у красного террора⁴⁰. Такое суждение строилось на научно не проверенном утверждении активного участника и идеолога белого движения С. П. Мельгунова, изложенном в книге «Красный террор в России. 1918–1923»⁴¹. По его мнению, репрессивная деятельность в антисоветских государственных образованиях стала следствием инициативы военной и гражданской администрации на местах, определенной истеричности офицерского состава, вызванной тяготами жизненных обстоятельств, что нельзя относить к государственной политике. Однако данное высказывание не отражает реального положения дел, в связи с чем не вполне корректно. Рассмотренные нормативно-правовые акты и правоприменительная практика со всей очевидностью показывают, что и белый, и красный террор имели законодательную основу, являя собой яркое выражение государственной политики. По мнению В. Ж. Цветкова, который достаточно мягко характеризует репрессивное нормотворчество белых правительств как вынужденное и сохранившее преемственность с царским законодательством в части государственных преступлений, «судебно-правовые нормы» белых правительств в целом противоречат «суждениям об отсутствии “институциональной составляющей” белого террора и о якобы исключительно “истероидной” его форме»⁴².

Особая роль в правоохранительной системе и репрессивной деятельности белой России принадлежала специальным судебным-следственным комиссиям, которые имели право самостоятельно возбуждать уголовные дела, а также в административном порядке выносить приговоры при совершении виновными незначительных правонарушений. Толкование применявшихся правовых норм осуществлялось на обыденном, непрофессиональном уровне,

в результате чего при определении наказания главное место отводилось судебному усмотрению. Кроме того, значительное внимание уделялось различного рода доносам, поэтому на скамье подсудимых мог оказаться любой подозреваемый в «большевизме».

О характере работы таких комиссий свидетельствуют, например, отчетные документы судебно-следственной комиссии ВСЮР. За четыре месяца ее работы было рассмотрено 705 дел, из них уголовных — 623, административных — 82. Интересен произвольный характер судебных решений. Так, член большевистской партии Нечитайло за свою партийную принадлежность получил наказание в виде одного года принудительных работ, а некто Зеленский, принимавший «участие в активном большевизме», был осужден всего на три месяца тех же работ. Подследственному Татаркевичу было вынесено такое же наказание всего лишь за то, что он имел неосторожность служить провизором в «пятой советской аптеке»⁴³.

Во всех антисоветских государственных образованиях, как правило, в центре действовала особая следственная комиссия, а на местах — уездные следственные комиссии. Нормативные материалы Северной области дают представление о составе таких комиссий. В них входили работники прокуратуры, «военного ведомства» и «гражданской магистратуры». Комиссии обладали исключительным правом привлекать к суду любых лиц, в той или иной мере скомпрометировавших себя при советской власти. Надзор над деятельностью комиссий осуществляли управляющие отделами юстиции⁴⁴.

Однако, несмотря на восстановление в целом судебных и следственных органов, преобладал внесудебный порядок уголовно-репрессивной деятельности. И на востоке, и на юге страны, на территориях так называемых национальных диктатур адмирала А. Колчака и генерала А. Деникина, а также в Северной области и на северо-западе страны обычным явлением были виселицы на площадях и улицах городов и деревень, захваченных белыми войсками. Причиной такой ситуации стали милитаризация властно-управленческой системы, массовое привлечение армейских частей для борьбы с «большевизмом» и охраны общественного порядка, а также малоэффективные действия правоохранительных органов в условиях не прекращавшихся в тылу белых армий восстаний и мятежей, вызванных ожесточенностью гражданского междоусобия. По мнению некоторых зарубежных исследователей, свою роль сыграло бедственное, в отличие от относительно благополучной Европы и процветающих США, положение низших слоев населения России⁴⁵.

«Главноуправляющие областями» и командующие армиями и фронтами могли вводить военное положение на находившихся под их юрисдикцией территориях, что позволяло им, а также начальникам гарнизонов на местах издавать большое количество приказов и распоряжений правоохранительного характера, которые изобиловали множеством неконкретных формулировок. Зачастую из текста того или иного приказа или распоряжения трудно было понять, что подразумевалось под «ненадежным» или «порочным» элементом или какую информацию можно квалифицировать как «сеющую тревогу в умах» населения. С точки зрения права весьма сомнительным выглядит и проведение

арестов лиц по показаниям местных жителей, потому что часто таким способом непорядочные люди просто сводили счеты с неугодными соседями⁴⁶.

Неконкретность формулировок в юридических документах и отсутствие квалифицирующих признаков правонарушений, описываемых в этих документах, позволяли командирам воинских отрядов, привлеченных к наведению порядка, производить их вольное толкование. В результате по принципу объективного вменения под карательные действия попадали не только повстанцы и конкретные правонарушители, но и ни в чем не повинные обыватели. Так, управляющий Акмолинской областью доносил министру внутренних дел, что «начальники воинских частей, призванных... для оказания помощи водворению порядка... почти всегда не понимают своих прав и обязанностей... приступая к выполнению своей задачи... забывают закономерности и чувство справедливости... из имеющихся рапортов с мест начальников милиции... бывали примеры, когда военные отряды, придя в какое-нибудь село и не встрет[ив] сопротивления, все же чуть не поголовно пороли всех проживающих, производили всякого рода незаконные реквизиции и... конфискации... брали деньги»⁴⁷.

Таким образом, для репрессивной деятельности белых властей характерными чертами были, как правило, произвол и беззаконие, возникавшие вследствие отсутствия достаточно хорошо организованной и функционировавшей судебной системы. Основная часть репрессий проводилась не правоохранительными структурами, а военными властями без участия судебно-следственных органов и прокуратуры; в результате села и города белой России захлестнула волна грабежей и погромов, осуществлявшихся правительственными войсками.

Милитаризация правоохранительной деятельности с ее произволом и беззаконием крайне негативно отразилась на легитимности антисоветских режимов, что отмечают не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Так, английский историк В. Чамберлен в книге о русской революции писал, что из-за жестоких репрессий большая часть населения, которая вначале встретила власть Колчака и Деникина с безразличием и даже с определенной симпатией, впоследствии от них отвернулась⁴⁸. Такие же суждения можно найти и в работе американского ученого Р. Кенеза⁴⁹. Аналогичные высказывания делали и многие участники белого движения.

Полицейские структуры. Одной из причин, по которым антисоветские правительства вынуждены были привлекать армию для выполнения правоохранительных функций, стала низкая эффективность работы органов внутренних дел. На территории ВСЮР они представляли собой привычную населению военизированную государственную стражу (далее — ГС), во главе которой находился приравненный к должности командира отдельного корпуса и имевший генеральский чин помощник начальника управления внутренних дел⁵⁰.

Все должностные лица стражи — офицеры, военные чиновники и стражники — состояли на военной службе. Исключение составляли классные чины гражданской части, работники уголовно-розыскного управления и канцелярские служащие штаба. Организационно ГС включала в себя центральное управление, губернские и краевые бригады стражи, которые были подчинены ви-

це-губернаторам. Бригада состояла: из губернского резерва в составе конной и пешей сотен, где готовились кадры для пополнения штатных подразделений; городской стражи также в составе конной и пешей сотен; уездной стражи. Городская и уездная стража могли насчитывать от 80 до 150 чел. каждая. Так как в губернию в среднем входило 10–15 городов и уездов, то общее количество личного состава бригады могло превышать 2 тыс. чел.⁵¹

Согласно Временному положению о ГС, в городах происходило восстановление городских частей и участков, во главе которых стояли приставы и участковые надзиратели. В волостях полицейские функции выполняли волостные надзиратели. На железнодорожных станциях и водных путях, а также в крепостях создавались крепостные, речные и железнодорожные части или команды стражи.

Однако комплектование частей ГС централизованным порядком осуществлялось с большим трудом, потому что желавших служить в органах внутренних дел оказалось очень мало. Для увеличения их притока организация призыва служащих в ГС к лету 1919 г. была возложена непосредственно на районных командиров стражи и начальников уездов, однако в секретных циркулярах губернаторов начальникам уездов (например, секретный циркуляр Курского губернатора от 8 (21) июля 1919 г.) говорилось о нежелательности приема на прежние места службы бывших полицейских и жандармов, дабы не вызвать осложнений в отношениях населения и власти⁵².

Командиры бригад стражи, их помощники, приставы и их помощники, участковые и волостные надзиратели, а также работники центрального аппарата должны были состоять на военной службе (призывались и уволившись в запас), быть не моложе 21 года и иметь (кроме волостных надзирателей) образование не ниже среднего. Предпочтение отдавалось офицерам, принимавшим участие в боевых действиях. В ГС, как правило, переводились вылечившиеся раненные офицеры, не способные к строевой службе. Ввиду нехватки офицеров должности командиров городской стражи и их помощников, приставов и их помощников замещались гражданскими лицами, которые получали статус военных чиновников⁵³.

Для комплектования рядового состава стражи призывались уволенные в запас и состоявшие в местном ополчении «низшие чины» армии и флота; по личному заявлению в местное управление государственной стражи и при наличии соответствующей аттестации принимались «охотники», которые имели освобождение от воинской повинности, но желали служить в органах внутренних дел. На службу в части ГС разрешалось принимать лиц рядового состава в возрасте не старше 40 лет⁵⁴.

Чины ГС получали более высокое денежное содержание, чем низшие государственные служащие. Так, летом 1919 г., с учетом кормового довольствия для стражников первого разряда оно было установлено в размере 869 руб. 20 коп., для стражников второго разряда — 844 руб. 20 коп. В сутки размер кормового довольствия составлял 20 руб. 64 коп. (ср.: фунт хлеба стоил около 6–8 руб.). Из-за галопировавшей инфляции во всех государственных образованиях белой России денежное содержание работников органов внутренних дел регулярно

повышалось. Соответствующие постановления правительств Колчака и Деникина, а также Северной области говорят о том, что это происходило примерно раз в полгода⁵⁵.

Повышение профессионального уровня офицеров и классовых чинов, особенно железнодорожных бригад, портовых и речных команд, а также уголовно-розыскных управлений Центрального управления ГС, осуществлялось на специальных подготовительных курсах. Нижние чины должны были проходить подготовку в учебных командах, создававшихся при бригадах стражи. По окончании обучения все выпускники сдавали экзамен комиссии, состоявшей из представителей штаба ГС, командования бригад, работников прокуратуры.

Продолжительность обучения на курсах была рассчитана на полгода. Учебный план предусматривал изучение «элементарных сведений», куда входили основы общей теории государства и права, уголовного, гражданского и административно-полицейского права, судебной медицины, санитарии и оказания первой помощи. Кроме того, на спецкурсах предусматривалось изучение вопросов предупреждения, пресечения, обнаружения и расследования преступлений, регистрации преступников (словесный портрет, антропометрия, дактилоскопия и т. д.), обеспечения законности, изучения основ судопроизводства, казенного и военного управления, государственного розыска. Проводились занятия по русскому языку в рамках составления актов и протоколов полицейского дознания, а также канцелярского производства⁵⁶.

Во Временном положении о государственной страже было записано, что она должна была обеспечивать «государственный порядок, общественную, личную, имущественную безопасность и спокойствие». Это предполагало не только выполнение прямых обязанностей, но и возвращение прежним владельцам их имущества, контроль кинематографа, проверку документов у иностранцев (отобранные у них документы советские спецслужбы часто использовали в разведывательных и диверсионных целях), разрешение хозяйственных проблем (например, обеспечение населения дровами) и т. д.

Структуры ГС были сформированы в основном в городах, в сельской местности из-за дефицита кадров создать правоохранительные органы не удалось — даже в наиболее крупных селах посты ГС отсутствовали. В связи с этим полицейские функции выполняли сельские старосты. Кроме того, волостным органам самоуправления традиционно вменялось в обязанность выделять помещения для содержания арестованных и необходимое количество караульных для их охраны, а также десятских для сопровождения. Они обязаны были обеспечивать порядок на крестных ходах и ярмарках, «охранять телеграфные и телефонные провода» и иные сооружения, относящиеся к ним.

Правительство генерала Деникина создало наиболее военизированный вариант полицейских сил, который призван был силовыми методами обеспечить авторитет государственной власти. На организацию и содержание стражи, с учетом внушительности ее штатов (в источниках указываются 20 бригад, в которых насчитывалось до 80 тыс. чел., при этом в боевых частях на фронте — всего около 110 тыс.), тратились огромные средства. Однако ГС не справилась с возложенными на нее задачами, и волна преступности, восстания и мятежи

захлестнули территорию ВСЮР. Определенную роль здесь сыграл не только огромный круг обязанностей, возложенных на внутренние войска и полицию, но и путаница в вопросах их подчиненности, поскольку, помимо гражданских властей, управлять стражей на местах пытались военные коменданты и начальники гарнизонов. Дело в том, что в нормативно-правовых актах, регулировавших работу полицейских сил, не было определенности относительно порядка управления. Например, согласно приказу генерала Май-Маевского от 17 (30) июля 1919 г., военным комендантам и начальникам гарнизонов запрещалось вмешиваться в работу государственной стражи, и все указания полицейские органы могли получать только от губернаторов и начальников уездов. Однако этот же приказ вменял в обязанность начальникам ГС выполнять «все законные требования военных властей», что оставляло за последними право управлять правоохранительными структурами⁵⁷.

В результате дестабилизации положения на фронте и стремительного роста преступности в тылу осенью 1919 г. правительство ВСЮР рассмотрело вопрос по оказанию помощи ГС в деле охраны общественного порядка. Было введено обязательное военное обучение государственных служащих, в рамках которого при правительстве и администрациях городов формировались «роты порядка». Для борьбы с бандитизмом 27 сентября (10 октября) 1919 г. Особое совещание приняло постановление о формировании в уездах дружин самозащиты. Комплектование дружин должно было осуществляться за счет офицеров, военных чиновников, освобожденных от призыва, но «могущих держать оружие» вольноопределяющихся, служащих общественных и правительственных учреждений в возрасте не старше 35 лет, владельцев предприятий и другой недвижимости такого же возраста, а также всех желающих, кроме лиц, занятых физическим трудом. Каждый доброволец должен был обладать соответствующим поручительством⁵⁸. Однако ввиду военных поражений и стремительно сокращавшейся территории ВСЮР создание дружин самозащиты так и осталось на бумаге.

В Сибири и на Дальнем Востоке полицейские структуры, в отличие от юга страны, носили «антиполицейское» и «революционное» название — «милиция». Однако характер их деятельности, принцип строительства и комплектования, а также военизированный облик мало чем отличались от ГС, созданной на территории ВСЮР. Основой для формирования органов внутренних дел белой Сибири стало Временное положение о Сибирской милиции, принятое 17 сентября 1918 г. Временным Сибирским правительством⁵⁹.

Требования к поступлению на милицейскую службу в основном были теми же, что и к поступлению на службу в ГС: кандидат должен обладать высокими нравственными качествами, «непорочностью по суду», не участвовать в работе советских органов власти. Однако, как считают многие исследователи, в отличие от юга страны, в Сибири если открыто и не приветствовался прием в органы внутренних дел бывших жандармов и полицейских, то эта «ориентация» вполне отчетливо просматривалась⁶⁰.

Вместе с тем, как свидетельствуют материалы итогового обзора деятельности Департамента милиции за 1919 г., лица, имевшие «полицейский стаж», в основном избегали служить в милиции, поскольку, с одной стороны,

это было «чрезвычайно опасно», с другой — не давало никаких материальных выгод, такое же вознаграждение можно было получить за «самый примитивный труд». Таким образом, на востоке белой России кадровая проблема оказалась не менее острой, чем на территории ВСЮР, в связи с чем на службу в милицию приходилось принимать всех желавших, невзирая на их моральные и деловые качества. В результате, как отмечали современники, милиция была мало-численной и набиралась из «проходимцев», которые «маленькое жалование» рассчитывали компенсировать «взяточничеством»⁶¹. Так, в докладе комиссара охраны Акмолинской области говорилось о плачевном состоянии подчиненных ему органов внутренних дел, указывалось на крайнюю «слабость» личного состава и на то, что многие милицейские начальники не имеют никакого представления о службе⁶².

Для повышения профессиональной подготовки работников органов внутренних дел правительство приняло постановление (март 1919 г.), в котором говорилось об учреждении в губерниях и областях «для чинов милиции» единогообразных подготовительных курсов с трехмесячным сроком обучения. Выпускники курсов получали соответствующие удостоверения, дававшие преимущественные права на занятие вакантных должностей в органах внутренних дел.

Начальствующий состав на курсах проходил обучение отдельно от рядового. Перечень учебных дисциплин предусматривал изучение: военного строя, гимнастики, полицейского устава, устава воинской повинности, основ государственного права, медицины и ветеринарии, финансового права, международного права, уголовного права, уголовного процесса, гражданского права. Наибольшее количество учебных часов отводилось на изучение военного строя, уголовного права и процесса, полицейского устава, гимнастику⁶³.

Помимо заботы о повышении профессионального уровня милицейских работников, правительство адмирала Колчака предпринимало меры по улучшению их материального положения. С этой целью 25 февраля 1919 г. Совет министров принял постановление «О выдаче пособия чинам милиции и чинам Особого отдела по охране Государственного порядка». Пособия должны были выдаваться в случаях ранения или гибели сотрудника, а также в виде поощрения за проявленную «чинами милиции и Особого отдела» энергичность и распорядительность при подавлении беспорядков и в ежедневной борьбе со «злоумышленниками». На выплату пособий из бюджета выделялось 500 тыс. руб. в год⁶⁴.

Однако ввиду инфляции принятых мер оказалось недостаточно для улучшения материального и финансового положения органов внутренних дел и их служащих. Данная проблема обострялась в зимнее время: в докладах начальников милиции с мест говорилось о том, что служебные помещения нечем было отапливать, отсутствовали освещение, теплая одежда и обмундирование, не хватало оружия. При отсутствии валенок и тулупов постовую службу в городах фактически приходилось свертывать.

Материальная необеспеченность сопровождалась массовым увольнением сотрудников из органов внутренних дел. Так, начальник милиции г. Томска в докладе министру внутренних дел указывал на повальное «бегство мили-

ционеров» из-за отсутствия прибавки к жалованью. В день ему приходилось увольнять от пяти до десяти человек, а «конную команду» пришлось уволить в полном составе⁶⁵.

Тюремные ведомства во всех государственных образованиях белой России также находились в плачевном состоянии. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные докладные записки губернских тюремных инспекторов востока страны министру юстиции. В записках указывалось на катастрофическое отсутствие средств не только на «хотя бы незначительный ремонт казенных зданий», но и на продовольствие, отопление, освещение и прочие нужды, что чревато «нежелательными эксцессами» вплоть до бунтов заключенных⁶⁶.

Тем не менее тюремная и концлагерная репрессивная машина была запущена на высокие обороты. Основанием для этого послужил так называемый закон о бунте, принятый 11 апреля 1919 г.⁶⁷, в котором говорилось, что опасные для «государственного порядка» лица (причастные к «большевистскому бунту», т. е. свержению правительства) должны быть подвергнуты ссылке на срок от одного года до пяти лет и лишены всех политических прав. До этого они должны содержаться в местах заключения⁶⁸. По словам министра юстиции Старинкевича, данный закон должен был не только уничтожить «воинствующий большевизм», но и искоренить из умов населения сами его идеи⁶⁹.

Для реализации указанного закона в белой Сибири в системе Главного управления местами заключения (далее — ГУМЗ) (глава — генерал П. К. Гран) действовало 75 тюрем (мужских, женских, детских), из них две каторжных и одна пересыльная. Кроме того, существовало несколько исправительных арестантских отделений⁷⁰. Документы свидетельствуют, что ГУМЗ не имело точных данных о числе заключенных, а имевшиеся данные, как правило, были заниженными. Так, по официальным сведениям ГУМЗ на начало 1919 г., в 59 тюрьмах содержалось около 27 тыс. чел., из них женщин — 1175 и детей — 113. По сведениям министерства юстиции, на начало 1919 г. во всех тюрьмах могло содержаться до 30 тыс. узников, прогнозировалось увеличение заключенных до 50 тыс. в связи с весенним наступлением колчаковских войск⁷¹. Однако из официальной сводки этого министерства от 20 мая 1919 г. видно, что к лету 1919 г. только пленных красноармейцев в тюрьмах насчитывалось около 63 тыс. чел., не считая обвиненных по закону о бунте и содержавшихся под стражей в 18 областных и губернских, а также более чем в 100 уездных управлениях милиции⁷². Все это дает достаточное основание полагать, что общее количество заключенных могло приближаться к 100 тыс. чел.

Тюрьмы были переполнены. Например, Омская тюрьма была рассчитана на 475 мест, а содержалось в ней 922 чел., в Петропавловской вместо положенных 52 заключенных находилось 252 и т. д.⁷³ Вследствие этого в местах заключения свирепствовали эпидемии тифа, холеры, дизентерии, что вынуждено было официально признать министерство юстиции⁷⁴. Выход из создавшегося положения виделся в ремонте закрытых старых тюрем и строительстве в авральном порядке новых, которые, как правило, не были готовы к массовому приему арестантов, так как там отсутствовали электричество, водопровод,

дрова для отопления, продовольствие, почти не было посуды⁷⁵. Для разгрузки тюрем, по словам генерала Жанена, власти «старательно заботились» об истреблении политических узников⁷⁶. На плавучих баржах-тюрьмах из-за болезней и голода в день умирало по 200 чел. К этому следует добавить постоянные массовые расстрелы заключенных.

В белой Сибири в конце 1918 г. насчитывалось 20 стационарных концлагерей, которые действовали почти во всех крупных городах от Екатеринбурга и Челябинска до Владивостока; ими руководил мобилизационный отдел штаба Верховного главнокомандующего. Впоследствии в уездных городах были сооружены еще 20 лагерей. В концлагерях содержалось свыше 900 тыс. заключенных, сочувствовавших большевикам, а также австро-германские военнопленные⁷⁷. Положение заключенных было хуже положения тюремных сидельцев, что ярко отражено в докладах мобилизационного отдела: скудность, холера, брюшной тиф, дизентерия, много инвалидов и больных⁷⁸. Инспекторский смотр Омского лагеря показал, что в бараках, где содержались красноармейцы, «свету мало, крыша местами протекает, вследствие чего в бараках сыро и грязно, нары в два яруса. Печи частью неисправны... Белья нет, и больные лежат в грязном белье, усеянном паразитами... нет достаточного количества посуды, и... едят из разных жестянок из-под консервов»⁷⁹. Результатом такого содержания заключенных стала их высокая смертность, примерно по 500 чел. в год в каждом лагере. Таким образом, тюремная и концлагерная политика белых правительств во многом носила репрессивно-террористический характер и вполне укладывалась в рамки проводившегося в антисоветских государственных образованиях террора по отношению к сторонникам советской власти.

Заключение. В ходе Гражданской войны во всех антисоветских государственных образованиях были созданы определенные правоохранительные органы, однако они оказались весьма слабыми, что, наряду с другими факторами, повлекло поражение белого движения. Тотальный правовой нигилизм, охвативший в условиях гражданского междоусобия все слои российского общества, не позволял судам, следственным органам, прокуратуре и полицейским структурам справляться с валом правонарушений, мятежами и восстаниями. Ввиду низкого денежного содержания прокурорских и судебно-следственных работников, полицейских, милиционеров и стражников, а также тяжелых условий службы и ее материальной необеспеченности создавалась острейшая кадровая проблема.

Во время войны происходила неизбежная милитаризация властно-управленческой системы, в результате чего органы внутренних дел, особенно на территории ВСЮР, по существу, превратились в придаток армии и оказались в двойном подчинении гражданских и военных властей, что значительно снижало эффективность их работы.

Не способствовал плодотворной деятельности органов охраны правопорядка и непомерно широкий круг возложенных на них обязанностей, в итоге они не справились со своими задачами. Полицейские функции стали возлагаться на выделяемые для этого воинские отряды, действия которых, не укладываясь

ни в какие рамки закона, отличались произволом и жестокостью. Большую часть репрессивных действий военные власти осуществляли вне ведома судебных органов. Незаконные расстрелы, аресты, экзекуции и реквизиции стали повседневными явлениями, что приводило к широкомасштабному белому террору. Пенитенциарная система не справлялась с огромным притоком заключенных, из-за чего среди них царил чрезвычайно высокая смертность. Все это отрицательно сказывалось на отношении населения к власти и способствовало краху антисоветских государственных образований.

¹ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922. Т. 1. М., 2013. С. 5.

² Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // От первого лица. М., 1990. С. 258.

³ Silverlight J. The Viktors Dilema: Allied Intervention in the Russian Civil War. London; New York, 1970. P. 113.

⁴ Suny R. G. The Baku Commune. 1917–1918: Class and nationality in the Russian revolution. Princeton, 1972. P. 305–306.

⁵ Постановление Совета министров ВСП от 6 июля 1918 г. «Об организации судебно-следственных органов» // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 4369. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением главнокомандующего ВСЮР от 6 (19) марта 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 86. Л. 28.

⁶ Никитин А. Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями: учеб. пособие. М., 1997. С. 57.

⁷ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний (1917–1923 гг.) // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1923. С. 260–262.

⁸ Докладная записка председателя Оренбургского судебного округа министру юстиции // ГАРФ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 25. Л. 3, 24.

⁹ Strakhovsky L. I. Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918–1920. Princeton, 1944. P. 18.

¹⁰ Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1923. С. 101.

¹¹ Там же.

¹² Никитин А. Н. Органы государственной власти «белой» России... С. 53–54.

¹³ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 162. Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 144. Л. 27.

¹⁵ Там же. Ф. 40054. Оп. 1. Д. 4. Л. 137.

¹⁶ Постановление ВСП от 5 августа 1918 г. «Об устройстве военно-судной части и степени дисциплинарной власти военных начальников» // Там же. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

¹⁷ Приказ командующего войсками Западного фронта от 23 ноября 1918 г. № 17 «О создании полковых судов» // Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 162. Л. 5–7.

¹⁸ Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 103–104.

¹⁹ Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главкома ВСЮР, от 6 марта 1919 г. // ГАРФ. Р-249. Оп. 1. Д. 86. Л. 258–261.

²⁰ Приводится по: Федюк В. П. Белое движение на Юге России. 1917–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. С. 145.

²¹ Постановление Временного правительства Северной области (далее — ВП СО) от 15 ноября 1918 г. «Об изменении постановления о Военно-окружном суде и Кассационном присутствии Северной области» // Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства Северной области (далее — СУР ВП СО). № 1. Ст. 127, 136.

²² Постановление ВП СО от 1 декабря 1918 г. «О полевых судах Северной области» // СУР ВП СО. 1918. № 3. Ст. 234; Постановление ВП СО от 15 марта 1919 г. «Об особых военных судах» // Там же. 1919. № 9. Ст. 362.

²³ *Smith C. J.* Finland and the Russian Revolution. Atlanta, 1958. P. 135.

²⁴ Приказ Командира Северного корпуса по гражданскому управлению от 18 июня 1919 г. № 14 // ГАРФ. Ф. 6388. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–12, 14.

²⁵ Постановление ВП СО от 24 января 1919 г. «О введении в пределах Северной области постановления Совета министров [омского] от 15 декабря 1919 г. о Военно-судебных и Военно-морском уставах новой редакции» // СУР ВП СО. 1919. № 27/9. Ст. 626–630.

²⁶ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области. С. 103.

²⁷ Журнал Особого совещания от 8 января 1919 г. № 25 // ГАРФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 1. Л. 218–219.

²⁸ Постановление Особого совещания Вооруженных сил Юга России (далее — ОС ВСЮР) от 4 апреля 1919 г. «Положение об Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем ВСЮР» // Собрание узаконений и распоряжений Особого совещания Вооруженных сил Юга России (далее — СУРП ОС ВСЮР). 1919. № 29. Ст. 223.

²⁹ Постановление ОС ВСЮР от 26 августа 1919 г. «Об уголовной ответственности участников установления Советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочнению» // СУРП ОС ВСЮР. 1919. № 17. Ст. 95; Постановление ВСП от 24 августа 1918 г. «Об определении судьбы бывших представителей Советской власти в Сибири» // СУР ВСП. 1919. № 7. Ст. 68.

³⁰ Постановление ОС ВСЮР от 7 октября 1919 г. «Дополнение к Положению об уголовной ответственности участников установления Советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочнению» // СУРП ОС ВСЮР. 1919. № 29. Ст. 15.

³¹ Приводится по: *Федюк В. П.* Белое движение на Юге России. 1917–1920 гг. С. 245.

³² ГАРФ. Ф. 827. Оп. 10. Д. 105. Л. 126.

³³ Приводится по: *Мармышев А. В., Елисеенко А. Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 129–130; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под ред. А. Н. Яковлева; отв. ред. В. И. Шнишкин. М., 2003. С. 582.

³⁴ Приводится по: *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 255.

³⁵ Приводится по: *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в гражданскую войну. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 172.

³⁶ *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017.

³⁷ *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 332–333, 371.

³⁸ *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. С. 120.

³⁹ *Мармышев А. В., Елисеенко А. Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. С. 356.

⁴⁰ Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю. Фельштинского, Г. Чернявского. М., 2004, С. 9, 17; *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Михайлов И. В.* Штрихи к психологии белого террора // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 183–188; *Свириденко Ю. П., Ершов В. Ф.* Белый террор. Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М., 2000.

⁴¹ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 6–7.

⁴² *Цветков В. Ж.* Белый террор — преступление или наказание? // Память чести. Некоммерческий Фонд по увековечению памяти участников Белого Движения. URL: <http://www.white-guard.ru/go.php?n=43&id=208> (дата обращения: 20.03.2018).

⁴³ Приводится по: *Степанов М. М.* Кадры органов Внутренних дел белых правительств // Следователь. 1998. № 8 (16). С. 346.

⁴⁴ Постановление ВП СО от 15 ноября 1918 г. «О сформировании следственных комиссий и об изменении постановления ВП СО об Особой временной следственной комиссии и об уездных следственных комиссиях» // СУР ВП СО. 1918. № 1. Ст. 11, 110.

- ⁴⁵ См., напр.: *Marger M.N.* Elites and masses: An introduction to political sociology. New York, 1981. P. 181–183.
- ⁴⁶ См. об этом: *Звягин С.П.* Привлечение колчаковской армии к наведению порядка в тылу: опыт и уроки // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 87.
- ⁴⁷ Докладная записка управляющего Акмолинской областью министру внутренних дел от 30 июля 1919 г. // ГАРФ. Ф. 147. Оп. 12. Д. 3. Л. 62, 63.
- ⁴⁸ *Chamberlen W.H.* The Russian Revolution. 1917–1921. Vol. 2. New York, 1965. P. 194.
- ⁴⁹ *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army. Los Angeles, 1971. P. 280.
- ⁵⁰ Постановление ОС ВСЮР от 25 марта 1919 г. «Временное положение о государственной страже» // СУРП ОС ВСЮР. 1919. № 6. Ст. 28.
- ⁵¹ Приводится по: *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани. Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2016. С. 267–296.
- ⁵² См. об этом: *Деникин А.И.* Национальная диктатура и ее политика // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 27.
- ⁵³ См. об этом: *Цветков В.* Государственная стража Екатеринославской губернии в борьбе с повстанческим движением в Новороссии (август — начало октября 1919 г.) // Белая гвардия. 1997/2000. № 1. С. 20.
- ⁵⁴ См. об этом: *Степанов М.М.* Кадры органов Внутренних дел белых правительств. С. 60–63.
- ⁵⁵ СУР ВСП. 5.10.1918. № 13. Ст. 122; Правительственный вестник (Омск). 1919. 3 марта; СУРП ОС ВСЮР. 1919. № 6. Ст. 31; Собрание узаконений и распоряжений Временного управления Северной области и ВП СО. 15.11.1918. № 1. Ст. 182; СУР ВП СО. 01.01.1919. № 4. Ст. 255.
- ⁵⁶ См. об этом: *Степанов М.М.* Кадры органов Внутренних дел белых правительств. С. 21–25.
- ⁵⁷ См. об этом: *Федюк В.П.* Белое движение на Юге России. 1917–1920 гг. С. 157.
- ⁵⁸ См. об этом: *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 216–227.
- ⁵⁹ СУР ВСП. 05.10.1918. № 13.
- ⁶⁰ См. об этом: *Никитин А.Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 26.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Докладная записка комиссара охраны Акмолинской области министру внутренних дел // ГАРФ. Ф. 4531. Оп. 1. Д. 134. Л. 99–101.
- ⁶³ Постановление Российского правительства от 15 марта 1919 г. «Об учреждении курсов милиции» // Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства. 1919. № 4. Ст. 76.
- ⁶⁴ Правительственный вестник (Омск). 1919. 3 марта.
- ⁶⁵ См. об этом: *Никитин А.Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 131.
- ⁶⁶ См. об этом: *Степанов М.М.* Кадры органов Внутренних дел белых правительств. С. 62.
- ⁶⁷ Закон от 11 апреля 1919 г. «О лицах, опасных для государственного порядка вследствие прикосновенности их к большевистскому бунту и об учреждении окружных следственных комиссий» // ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1425. Л. 15.
- ⁶⁸ Там же. Л. 16 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 17 об., 19.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 15. Л. 377–379.
- ⁷¹ Докладная записка министра юстиции о смете расходов на содержание заключенных в 1919 г. // ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 592. Л. 10–11.
- ⁷² Там же. Ф. 827. Оп. 5. Д. 1. Л. 38.
- ⁷³ Там же. Оп. 11. Д. 87. Л. 28.
- ⁷⁴ Служебная записка министерства юстиции // Там же. Д. 1. Л. 3.
- ⁷⁵ Доклад комиссии по ревизии тюрем // Там же. Оп. 5. Д. 22. Л. 89 об.

⁷⁶ Janin M. Moje účasť na československém boji za svobodu. Praha, 1926. S. 281.

⁷⁷ Документы мобилизационного отдела штаба Верховного главнокомандующего // ГАРФ. Ф. 827. Оп. 12. Д. Л. 99.

⁷⁸ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 195. Л. 19.

⁷⁹ Там же. Д. 235. Л. 301.

Статья поступила в редакцию 26 марта 2018 г.

Рекомендована в печать 16 мая 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Медведев В. Г. Правоохранительная система и уголовно-репрессивная деятельность белой России в годы Гражданской войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 556–579. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.301>
УДК 93/94

Аннотация: Статья посвящена комплексному научному исследованию правоохранительной системы и уголовно-репрессивной деятельности в государственных образованиях белой России в период Гражданской войны. Актуальность исследования связана с малой изученностью проблемы историко-правовой наукой; статья проливает свет на обойденные исследователями аспекты истории отечественного государства и права в указанный период. За годы Гражданской войны в различных регионах страны, оказавшихся под юрисдикцией белых правительств, сложилась система правоохранительных органов, структурно организованных по образцу и подобию правоохранительной системы бывшей Российской империи и осуществлявших свою деятельность на основании дореволюционного законодательства, а также нормативно-правовых актов Временного правительства и антисоветских органов власти. Однако сформированная система была весьма слабой, что стало одним из серьезных факторов крушения антисоветских государственных образований. Судебно-следственные и прокурорские органы, полицейские и милицйские структуры не справились с возложенными на них обязанностями. Причинами тому стали низкое денежное довольствие судей, судебных следователей и работников прокуратуры, служащих государственной стражи и милиционеров (результат галопирующей инфляции), тяжесть и опасность их служебной деятельности, стремительная криминализация общественных отношений, невозможность должного материального обеспечения работы правоохранительных органов. Это приводило к острейшей кадровой проблеме. Кроме того, в условиях политических режимов военных диктатур властно-управленческая система приобрела милитаризованный характер, правоохранительные структуры превратились, по существу, в придаток армии, что делало их работу малоэффективной. Снижению эффективности деятельности правоохранительных органов способствовал и огромный круг функций, возложенных на данные структуры. Это вынуждало центральные и местные власти использовать в полицейских целях армейские части и подразделения, которые проводили белый террор.

Ключевые слова: суд, прокуратура, полиция, армия, правительство, тюрьмы, Гражданская война, Россия, белые.

Сведения об авторе: Медведев В. Г. — д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доц., Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Россия); medved.valentin@rambler.ru

Тольяттинский государственный университет, Россия, 614077, Тольятти, ул. Белорусская, 16

FOR CITATION

Medvedev V. G. 'The Law Enforcement System and Repressive Penal Measures of White Russia during Civil War', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 3, 2019, pp. 556–579. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.301>

Abstract: The article explores the complex research on the law enforcement system and penal repressive activ-

ity in the state structures of “White” Russia during the Civil War. The relevance of such a study is due to the dearth of research into historical and legal science, and this article sheds some light on aspects of the history of the national state and law bypassed by scholars for this historical period. The judicial-investigative and prosecutorial authorities, police, and police structures did not cope well with their duties. The reasons for this were low monetary allowances for judges, judicial investigators and prosecutors, employees of state guards, and policemen in the conditions of galloping inflation; the severity and danger of their official activities in conditions of rapid criminalization of public relations; and the impossibility of proper material support for law enforcement agencies. This led to an acute personnel problem. In addition, in the context of political regimes of military dictatorships, the power-management system was militarized, and law enforcement agencies became, in essence, an appendage of the army, which made their work ineffective. The effectiveness of policing was also hampered by a wide range of functional responsibilities assigned to these structures, which resulted in them failing to meet responsibilities. This forced central and local authorities to turn to army units that carried out “white terror,” as their actions were characterized by brutality, arbitrariness, and lawlessness.

Keywords: court, prosecutor’s office, police, army, government, prisons, Civil War, Russia, whites.

Author: Medvedev V. G. — Dr. Sci. in Law, PhD in History, Associate Professor, Togliatti State University (Togliatti, Russia); medved.valentin@rambler.ru

Togliatti State University, 16, Belorusskaya ul., Togliatti, 614077, Russia

References:

- Buldakov V. P. *Red Distemper. The Nature and Consequences of the Revolutionary Violence* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Chamberlain W. H. *The Russian Revolution. 1917–1921*, Vol. 2 (New York, 1965).
- Denikin A. I. ‘National Dictatorship and its Politics’, *Revoliutsiia i grazhdanskaia voina v vopisaniakh belogvardeitsev* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Dobrovolskiy S. ‘The Struggle for the Revival of Russia in the Northern Region’, *Arkhiv russkoi revoliutsii*, Vol. 3 (Berlin, 1923). (In Russian)
- Fediuk V. P. *The White Movement in the South of Russia* [Doctor of History Dissertation] (Yaroslavl, 1995). (In Russian)
- Ganin A. V. *Ataman A. I. Dutov* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Goldeneveizer A. A. ‘Kiev Memories (1917–1923)’, *Arkhiv russkoi revoliutsii*, Vol. 6 (Berlin, 1923). (In Russian)
- Janin M. *Moje účaast na československém boji za svobodu* (Prague, 1926).
- Kenez P. *Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army* (Los Angeles, 1971).
- Krasnov P. N. ‘The Great Don Army’, *Ot pervogo liitsa* (Moscow, 1990). (In Russian)
- Litvin A. L. *Red and White Terror in Civil War, 1918–1922* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Marger M. N. *Elites and masses: An introduction to political sociology* (New York, 1981).
- Marmyshev A. V., Eliseenko A. G. *Civil War in Yenisey Province* (Krasnoyarsk, 2008). (In Russian)
- Melgunov S. P. *Red Terror in Russia 1918–1923* (Moscow, 1990). (In Russian)
- Mikhailov I. V. ‘Strokes on the Psychology of White Terror’, *Revoliutsiia i chelovek: sotsialno-psikhologicheskii aspekt* (Moscow, 1996). (In Russian)
- Nikitin A. N. *Public Authorities of “white” Russia: the fight against malfeasance* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Nikitin A. N. *The Police of the Russian Government of Kolchak and its Role in the Fight against Criminal* (Moscow, 1995). (In Russian)
- Posadskiy A. V. *From Tsaritsyn to Syzran. Essays on Civil War on Volga* (Moscow, 2016). (In Russian)
- Ratkovskiy I. S. *Chronicle of the White Terror in Russia. Repression and Lynching (1917–1920)* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Red Terror during the Civil War: According to the Materials of a Special Investigative Commission on Atrocities of the Bolsheviks*, eds Y. Felshtinsky, G. Cherniavskiy (Moscow, 2004). (In Russian)
- Silverlight J. *The Victors’ Dilemma: Allied Intervention in the Russian Civil War* (London — New York, 1970).
- Smith C. J. *Finland and the Russian Revolution* (Atlanta, 1958).
- Sokolov K. N. *The Rule of general Denikin* (Sofia, 1921). (In Russian)
- Stepanov M. M. ‘Personnel of Internal Affairs Bodies of the White Governments’, *Sledovatel*, no. 8 (16), 1998. (In Russian)
- Strakhovskiy L. I. *Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in*

North Russia, 1918–1920 (Princeton, 1944).

Suny R. G. *The Baku Commune. 1917–1918: Class and nationality in the Russian revolution* (Princeton, 1972).

Sviridenko Yu. P., Ershov V. F. *White Terror. Political Extremism of the Russia Emigration in 1920–1945* (Moscow, 2000). (In Russian)

The Trial of Kolchak Ministers. May 1920, eds A. N. Iakovlev, V. I. Shishkin (Moscow, 2003). (In Russian)

Tsvetkov V. 'State Guard of the Yekaterinoslav Province in the Fight against the Insurgency in Novorossiia (August — early October 1919)', *Belaia gvardiia*, no. 1, 1997/2000 (In Russian).

Tsvetkov V. Zh. *White Movement in Russia, 1919–1922*, Vol. 1 (Moscow, 2013). (In Russian)

Zviagin S. P. 'The Involvement of the Kolchak Army in Restoring Order in the Rear: Experience and Lessons', *Sibir v period grazhdanskoi voiny* (Kemerovo, 1995). (In Russian)

Zviagin S. P. *The Law Enforcement Policy of A. V. Kolchak* (Kemerovo, 2001). (In Russian)

Received: March 26, 2018

Accepted: May 16, 2019